

РАБОТАТЬ, ЧТОБЫ ВЫЖИТЬ

ТРУДОВОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1914–1918 ГОДАХ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Александр САМОВИЧ,
кандидат
исторических наук

Общее число иностранных подданных, оказавшихся в русском плену в годы Первой мировой войны, по статистическим подсчетам составило около 2 млн. человек. Итоговая цифра вполне сопоставима с численностью самостоятельного «малого» народа или с населением небольшого европейского государства. Достаточно указать, что в пределах одного только Минского военного округа на 1 сентября 1917 года находилось свыше 70 тыс. вражеских военнопленных. Характерной особенностью военного плена на территории западных губерний России стало активное использование немецких, австрийских, польских и других пленных в качестве рабочей силы.

Как известно, пребывание в плену – один из тяжелых в моральном, физическом и психологическом отношениях периодов в жизни человека, в силу различных обстоятельств оказавшегося в положении «узника войны». Это достаточно опасная ситуация, характеризующаяся длительной социальной изоляцией и воздействием множества стрессогенных факторов. Чтобы выжить, военнопленному необходимо периодически переключать свое внимание, забываться, уходить от внутренней напряженности, вызываемой так называемым «психозом колючей проволоки». Одним из важнейших элементов такой психологической защиты является труд. Не случайно многие военнопленные в период Первой мировой войны на территории белорусских губерний инициативно стремились к участию в различного рода работах, особенно вне места своего содержания.

В большинстве своем квалифицированные специалисты, в период активной трудовой деятельности они забывали о положении пленника и включались в привычное для них дело. Подобная стратегия выживания во многом оправдывала себя и в немалой степени способствовала адаптации иностранных воинов к новым условиям существования. Это наглядно демонстрируют, в частности, художественно-документальные зари-

совки современника рассматриваемых событий белорусского писателя З. Бядули: «У моладзі па вёсках найвысшым шыкам лічацца пярсыцёнкі-фабрыкацыі аўстрыйскіх палонных. У кожнай зухаватай дзяўчыны можна ўбачыць на пальцах 3-4 гэтых пярсыцёнкаў. <...> Зьдзівіўся я, калі спаткаў у беларускай вёсцы палонніка-аўстрыяка славяніна, каторы так само гандляваў. Абарваны, абросшы барадой, ён прадаваў ілюміневыя пярсыцёнкі і Хрыста... Ні так прадаваў Хрыста, як Юда, на мукі, але ніжывога, з альховага дрэва вырэзанага, таннымі малявідамі размазанага... Старыя бабы ахвотна куплялі і ківалі галовамі...» [1].

Очевидно, существовала также прямая заинтересованность самой страны пленения в использовании иностранных военнопленных в качестве дешевой рабочей силы. Вместе с тем следует отметить, что в начале Первой мировой войны прибегать к труду военнопленных не предполагалось: людские ресурсы казались достаточными, а рынок справлялся с обеспечением промышленности необходимым числом рабочих. В силу этого российское правительство, изначально не рассчитывавшее на длительное военное противостояние, не видело необходимости в мобилизации всех трудовых ресурсов, не пыталось оптимизировать их использование.

Однако в конце 1914 года фронт стабилизировался и стал очевиден затяжной характер войны, в которой определяющую роль начинал играть экономический фактор. На фоне развертывания массовой армии появились первые трудности в обеспечении российской промышленности рабочими. Правительство вынуждено было обратиться к поиску дополнительных источников рабочей силы. За относительно короткий срок была подготовлена и соответствующая нормативно-правовая база: «Правила о допущении военнопленных на работы по постройке железных дорог частным обществам» от 10 октября 1914 года, «Правила об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы» от 28 февраля 1915 года, «Правила о порядке предоставления военнопленных для исполнения казенных и общественных работ в распоряжение заинтересованных в том ведомств» от 16 сентября 1914 года и «Правила об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях» от 17 марта 1915 года.

Осенью 1914 года в ответ на обращение МВД о том, какие работы могут быть организованы с применением труда пленных, с мест были получены предложения об использовании их в самых различных отраслях городского и сельского хозяйства. Несмотря на обозначившийся спрос, созданная при Главном управлении Генерального штаба Особая межведомственная комиссия по распределению военнопленных удовлетворяла заявки работодателей, исходя из имевшихся возможностей. Определенные трудности вызывал подбор из числа военнопленных квалифицированных специалистов. Представителей предприятий интересовали прежде всего пленные, способные к работам в деревообрабатывающей и металлообрабатывающей промышленности (спичечном, лесопильно-фанерном, проволочно-гвоздильном производстве). Заинтересованность в их труде проявили также: сургучный завод братьев М. и И. Позиных, льнопрядильная фабрика «Двина», дрожжево-

винокурный завод в Витебске и другие предприятия [2, л. 114].

Следует заметить, что частные предприятия могли рассчитывать на военнопленных только в случае оплаты их труда «по существующим местным ценам для каждой категории работ» [2, л. 3]. При этом «Правилами об отпуске военнопленных для работ в частных промышленных предприятиях», утвержденными российским правительством 17 марта 1915 года, определялось, что треть заработной платы пленных отчислялась в особый фонд на счета определенных министерств. Из оставшейся части зарплаты затем покрывались все расходы предприятия на содержание пленных, а также выдавались своего рода премиальные «обнаружившим усердие в работе» на улучшение довольствия, но не более 20 копеек за каждый рабочий день.

Размещаться военнопленные должны были отдельно от других рабочих – в помещениях, находившихся под надежным караулом. Задача охраны военнопленных возлагалась на местную полицию, в помощь которой могли по мере необходимости выделяться особые сторожа за счет средств предприятия. Общее руководство охраной работающих на частных предприятиях военнопленных возлагалось на губернское начальство. Местные губернские власти при помощи фабричных инспекций осуществляли также надзор за соблюдением частными предприятиями принятых ими на себя обязательств по отношению к военнопленным. О любых переменах в составе этой категории работников (смерть, заболевания, побеги и так далее) администрация предприятий обязана была немедленно информировать губернское руководство.

Острая нехватка рабочих рук заставляла широко применять труд военнопленных в сельском хозяйстве. В условиях, когда в деревнях практически не осталось трудоспособных мужчин, привлечение пленных к аграрному труду со стороны правительства выглядело вполне целесообразным и своевременным шагом. Для самих же сельчан это было выгодно в том

САМОВИЧ

Александр Леонидович.

Родился в Минске в 1972 году. Окончил Минское суворовское военное училище, Гуманитарную академию Вооруженных Сил России и Военную академию Республики Беларусь.

Работал ответственным секретарем-заместителем главного редактора журнала «Армия».

С 2006 года – доцент кафедры военной стратегии факультета Генерального штаба Вооруженных Сил учреждения образования «Военная академия Республики Беларусь».

Полковник, кандидат исторических наук.

Является членом Геральдического совета при Президенте Республики Беларусь.

Сфера научных интересов: военная история, геральдика, краеведение.

плане, что военнопленный обходился нанявшим его хозяевам в несколько раз дешевле, чем рабочая сила со стороны. Постепенно дело дошло до того, что даже больные, признанные ранее негодными к использованию на физических работах, переосвидетельствовались и отправлялись на полевые работы [3, л. 3]. Однако и этого оказалось недостаточно, чтобы удовлетворить нужды сельского хозяйства и промышленных производств в рабочей силе. По распоряжению Генерального штаба, в случае недостатка трудовых ресурсов на работы могли назначаться пленные «интеллигентных профессий» и специалисты, но лишь в пределах своих губерний [3, л. 43].

Все заявления на использование пленных стекались к губернаторам, которые передавали их в Главное управление Генерального штаба. Впоследствии заявки разрешили отправлять прямо в штаб округа, минуя губернаторов, которых лишь информировали о них. В любой момент военные власти могли затребовать трудившихся военнопленных назад. Однако на условность всевозможных инструкций и правил по применению труда военнопленных проливает свет одно из совместных распоряжений МВД и Военного министерства, направленное начальникам военных округов и губернаторам. Согласно документу с июня 1915 года предприятиям разрешалось делать отступления от установленных правил, если это диктовалось местными условиями. К примеру, невозможностью должным образом разместить или обеспечить охрану пленным. Между тем, такая, казалось бы, незначительная уступка центральных властей повлекла за собой целую серию злоупотреблений со стороны администрации предприятий, усмотревших в этом возможность путем преднамеренного ослабления режима военного плена поощрять и стимулировать наиболее ценных для них работников. В циркуляре МВД от 22 сентября 1917 года, адресованном губернским и областным комиссарам, сообщалось, что работающие на фабриках и частных

предприятиях военнопленные находятся на исключительном положении, а именно: живут свободно, одеты в гражданское платье (некоторые имеют по несколько пар сапог!), имеют довольно крупные денежные суммы, доходящие до одной-двух тысяч рублей. Но последовавшие ограничительные меры вскоре лишили пленных подобных преимуществ: на руки им оставляли ограниченную сумму – не более 15 рублей в месяц.

По свидетельству Генштаба, опыт применения сельского труда пленным уже к началу 1916 года выявил разнообразие условий его организации в различных местностях империи в плане: а) содержания пленным, б) размеров назначенной им заработной платы, в) мер воздействия на пленным, уклонявшихся от работы. Это привело к интересному явлению: военные потребовали приравнять работавших пленным, но не к соответствующим чинам русской армии, как предписывали формальные правила и постановления, а к русским рабочим, трудившимся в том же конкретном хозяйстве. Весной 1916 года были установлены новые правила содержания военнопленных, отпущенных для сельскохозяйственных работ, выработанные по соглашению между МВД, Главным управлением Генерального штаба и Министерством земледелия. С апреля 1916 года названные правила из соображений борьбы с якобы привилегированным положением военнопленных на сельских работах (в сравнении с местными рабочими), устанавливали, что условия труда должны быть одинаковыми для тех и других. Пленные были обязаны выходить на работу даже в свои национально-религиозные праздники, если трудились остальные. Отказ от работ должен был вести к немедленному семидневному аресту с пребыванием на хлебе и воде.

Городские власти и земства в период войны также старались воспользоваться трудом военнопленных и привлекали их к выполнению тех городских и земских работ, за которые не брались вольнонаемные граждане. Органы городского са-

В английском языке существует аббревиатура POWs (prisoners of war – узники войны) – название, наиболее точно передающее драматизм судеб воинов, оказавшихся во власти противника.

моуправления стремились заполучить в свое распоряжение пленных для благоустройства и планировки улиц, рытья водопроводов, строительства и ремонта. 10 апреля 1915 года МВД России выслало губернаторам циркуляр с предложением «оказать широкое содействие к привлечению расквартированных в городах и иных населенных пунктах военнопленных к мелким, текущим, исполняемым по мере надобности, работам по наружному благоустройству городов и приведению в исправность земских тракторов» [2, л. 46].

Наиболее активная переписка о выделении военнопленных на те или иные виды работ велась с начальником снабжений армий Западного фронта. Так, по просьбе коменданта Минска, губернского врачебного инспектора и члена городской управы в марте 1917 года для нужд города в распоряжение Земского союза была выделена одна из рот 82-го рабочего батальона из военнопленных численностью в 100 человек. Им предстояло очистить от льда ряд тракторов, минских дворов и улиц. С приближением летнего времени по просьбе городской управы военнопленные традиционно направлялись на сезонные полевые работы за чертой города.

В дальнейшем предложение рабочих рук военнопленных еще больше уменьшилось, а спрос на них увеличился. Начало 1917 года прошло под знаком беспромышленной борьбы гражданских учреждений с военными за обладание пленными. Надежды городских управ на повторение удачного опыта использования пленных в интересах города не оправдались. Запросы с мест явно не соответствовали имевшимся для их удовлетворения возможностям. Чиновники, отвечавшие за полученных пленных, в 1916–1917 годах предпочитали отказывать просителям, желавшим получить хотя бы слабосильных пленных для сравнительно легких работ. Направление военнопленных исключительно на оборонные работы стало универсальным отказом – во всех других сферах приложения, кроме особо значимых для обо-

роны, труд военнопленных постепенно перестал использоваться.

Дефицит рабочих рук приводил к тому, что нередко медицинское освидетельствование военнопленных при отправке на работы производилось формально. Военные специалисты, которые делали заключение о состоянии здоровья пленных, тоже не были заинтересованы в признании того или иного из них инвалидом. В конце января 1917 года начальник отдела «Эвакуационного и по заведованию военнопленными» Главного управления Генерального штаба уведомил начальников штабов военных округов о необходимости как можно шире использовать слабосильных пленных на легких работах, например, по уходу за домашним скотом в сельском хозяйстве, после чего они могли бы активно использоваться на более тяжелых работах. 17 марта 1917 года по распоряжению МВД к обязательному труду вместе с нижними чинами стали привлекать военнопленных унтер-офицеров.

Таким образом, мобилизовав самую работоспособную часть мужского населения, Первая мировая война способствовала привлечению к труду в сельском хозяйстве, в промышленности, на лесных, железнодорожных и других работах на территории Беларуси значительного числа иностранных военнопленных, которых необходимо было разместить, обеспечить жильем и питанием. Наиболее острым являлся вопрос продовольственного обеспечения.

В соответствии с официальными распоряжениями русских властей, «способ довольствия» военнопленных нижних чинов был единым по всей стране. Пленные солдаты питались из общего котла по нормам, установленным для нижних

Пленный немец и русский солдат

чинов русской армии. Ежедневно пленному полагался обед из щей или супа с 0,25 фунта мяса, 0,43 золотника чаю, 6 золотников сахара, 3 фунта хлеба. Понятно, что эти нормы далеко не всегда выдерживались на практике. Однако на территории Беларуси пленные не голодали, и это во многом определялось их широким привлечением к участию в сельхозработах и труду на частных предприятиях. Проявление особой заботы о питании военнопленных доходило иногда до того, что некоторые работодатели позволяли себе кормить иностранцев лучше, чем собственных рабочих. И это обстоятельство не осталось незамеченным в Петрограде. В 1916 году появились циркуляры Министерства торговли и промышленности

Допрос пленного.
1916 год

с указанием на то, что «питание пленных не должно быть лучше питания русских рабочих в том же предприятии; продукты и тем и другим должны быть отпускаемы одинакового качества» [2, л. 46].

Тем не менее, социальный протест «узников войны», недовольных своим положением не только существовал, но и к концу войны приобретал все более масштабный и интенсивный характер. Он мог проявляться по-разному: выражаться как в крайних формах – побеги или систематическое нарушение лагерного режима, так и в умеренных – написание апелляций в адрес Красного Креста с соответствующими жалобами на тяготы плена, несправедливые ограничения своих прав. Приведем только несколько примеров из сотни писем и заявлений,

присланных в общества, занимавшиеся судьбой пленных в России. По сообщению Центрального отдела помощи полякам: «Военнопленные, находящиеся в Минковичах Минской губ., 223-я рабочая рота, 42-й батальон, 5-я рабочая бригада, жалуются на то, что за двухлетнюю тяжелую работу не получили никакого вознаграждения. Принуждают их работать и по воскресеньям: не позволяют купаться, выстирать белье, починить одежду, которую совсем износили. Зимой бывало много случаев отмораживания конечностей и простудных болезней. За малейшее провинение ставят пленных под мешок с камнями весом 1 ½ пуда» [4, с. 277]. «В окопах нам тяжело, одежды и обуви нет, за работу ничего не получаем. Пошлите хоть какую-нибудь одежду – холодно», – просил пленный поляк из 3-й роты 82-го рабочего батальона, расположенного в Малой Корсовке Витебской губернии [4, с. 282]. Он же констатировал: «С одной стороны, голод и нужда, с другой стороны, ужасное обращение с нами. Зима пришла, у нас ничего нет, придется на чужбине сложить свои кости. Лучше бы я родился немцем или мадьяром, им все-таки везде лучше живется в русском плену» [4, с. 282]. В таких условиях некоторым военнопленным побег виделся единственно возможным способом уйти от невыносимых тягот плена.

Сложная, а к осени 1917 года и вовсе катастрофическая ситуация с побегами военнопленных, заставила российские власти выработать в отношении «узников войны» целый комплекс охранных мероприятий. В циркулярных предписаниях министра внутренних дел в адрес губернских, областных и городских комиссаров указывалось на настоятельную необходимость усилить, опираясь на общественные организации, надзор за военнопленными и принять меры против побегов с места работ. Достичь желаемого для властей результата предполагалось путем привлечения к охране военнопленных сельской милиции (где таковая имелась) или учреждения особой стражи (за счет платы, удерживаемой с

военнопленных). Лица и предприятия, которым предоставлялись военнопленные, обязаны были завести для указанной цели свою охрану. Однако, деятельность в этом отношении органов местной власти не дала положительных результатов и случаи ухода военнопленных с мест работ приняли массовый характер. Как отмечалось в документах МВД, «военнопленные бегут уже не в одиночку, а целыми партиями» [4, с. 282].

Такое положение вынудило Военное министерство принять самые решительные меры к упорядочению дела содержания и надзора за военнопленными. Решено было: «1) Обязать предприятия размещать военнопленных только казарменным порядком и организовать надлежащую охрану их, в особенности на заводах, копиях, лесных дачах и железных дорогах, откуда преимущественно совершаются побегии. 2) Воспретить всем работодателям принуждать пленных продовольствоваться самостоятельно с выдачей им на руки той заработной платы, которая должна идти на их продовольствие, обязать работодателей организовать артельное довольствие и снабжение военнопленных всем необходимым по положению, а равно и строго исполнять постановление о вознаграждении труда пленных, выдачею им на руки от 20 и не свыше 50 коп. в день. 3) Обязать фабрики и заводы установить строгий контроль за входом и выходом военнопленных и вменить в обязанность милиции не допускать появления пленных на улице позже 8-ми часов вечера, задерживая всех нарушающих это требование пленных. 4) Назначить при уездных комитетах особых лиц по возможности из числа чинов, вернувшихся из плена в качестве инвалидов или бежавших, коим было бы поручено установление надзора за пленными в местах работ и кои имели бы постоянное сношение с военно-окружным начальством, располагая всеми сведениями о военнопленных в районе своего уезда. 5) Предоставлять Командующим войсками в округе в необходимых случаях снимать военнопленных с работ, не запрашивая разрешения

Главного Управления Генерального Штаба (ГУГШ), а лишь уведомляя таковое о произведенном снятии» [5, л. 95].

Но и эти меры не дали желаемых для властей результатов. Летом 1916 года на совещании губернаторов в Петрограде отмечалось, что военнопленные продолжают бастовать, предъявляют «незаконные требования, отказываются от работ» [6, л. 8]. С каждым месяцем волнения среди них усиливались. Реально военные не могли оперативно реагировать на каждое неповиновение пленных в каждом населенном пункте, на каждом участке применения их труда. В июле 1915 года ГУГШ в ответ на потоки жалоб об отказах пленных от работ предоставило местной гражданской администрации право с помощью полиции налагать на них дисциплинарные взыскания, однако в случаях серьезного нарушения военнопленными порядка виновные должны были передаваться в распоряжение ближайшего воинского начальника.

Подводя общий итог вопросу трудового использования иностранных военнопленных с 1914 по 1918 годы на белорусской земле, следует отметить, что в период затяжной, позиционной войны им принадлежала роль основного мобильного трудового ресурса российской экономики. Переход от эпизодического к массовому использованию труда «узников войны» диктовался прежде всего нуждами военного времени. Вместе с тем, опыт административной и полицейской практики показал, что решить проблемы самих работающих военнопленных не просто, особенно, если их число составляет десятки тысяч человек. Ключевым моментом реального положения военнопленных в местах содержания являлись их отношения с властью и населением. Наиболее острыми в организации жизнедеятельности и труда военнопленных были вопросы нехватки обмундирования и питания. Однако по мере возможности, исходя из наличия сил и средств, российская сторона стремилась преодолеть и нередко преодолевала данную негативную тенденцию. ■

ЛИТЕРАТУРА

1. Бядуля, З. Прыфрантавы рубаж на Беларусі. (Нататкі і уражанні) / З. Бядуля // Вольная Беларусі, Сакавік-чэрвень 1918 г.
2. Национальный исторический архив Беларуси в Минске. – Ф. 2592. – Оп. 1. – Д. 331.
3. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 1720. – Оп. 2. – Д. 185.
4. Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 – март 1918 гг. – М.: РОССПЭН, 2006.
5. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 610. – Оп. 1. – Д. 2.
6. РГВИА. – Ф. 369. – Оп. 9. – Д. 9.